

ВЕЛИЧІЕ ПУШКИНА, КАКЪ ПОЭТА И ЧЕЛОВѢКА ¹⁾.

На пространствѣ послѣднихъ двадцати лѣтъ вотъ уже третій разъ совершаются пушкинскія празднества: первое въ 1880 г. по случаю открытія памятника Пушкину въ Москвѣ, второе въ 1887 г. по поводу исполнившагося пятидесятилѣтія со дня его кончины и третье торжество совершается нынѣ, въ столѣтнюю годовщину со дня рожденія великаго поэта. Предшествовавшіе нынѣшнему пушкинскіе праздники 1880 и 1887 годовъ были въ высшей степени отрадными явленіями въ нашей русской жизни. Они дороги намъ уже потому, что показали, какой рѣзкій поворотъ совершился въ отношеніяхъ русской публики къ Пушкину, развѣнчанному было публицистической критикой шестидесятыхъ годовъ. Не даромъ первое московское торжество называютъ „покаяннымъ“. Русская большая публика хотѣла какъ бы загладить свою собственную вину и вину своихъ предшественниковъ,— съ самымъ горячимъ сочувствіемъ встрѣчая восторженныя рѣчи о Пушкинѣ представителей науки, литературы и искусства. А сколько было произнесено такихъ рѣчей! Сколько собрано и издано новыхъ матеріаловъ для изученія жизни и поэтической дѣятельности Пушкина! Сколько написано спеціальныхъ изслѣдованій о Пушкинѣ и его эпохѣ! Торжества 1880 и 1887 годовъ въ общемъ были плодотворны для изученія поэзіи Пушкина и вмѣстѣ поучительны, потому что вызванныя ими спеціальныя работы воочію показали, какъ мало точнаго и научнаго въ томъ, что недавно считалось общепринятымъ, и какъ много еще нужно сдѣлать для того,

¹⁾ Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи въ честь А. С. Пушкина въ Московской Духовной Академіи 26-го мая.

чтобы Пушкинъ былъ разъясненъ и усвоенъ русскому народу такъ, какъ заслуживаетъ его великій геній.. Какъ относится значительное большинство къ нашему поэту? Иной въ жизни Пушкина заинтересованъ лишь исторіей его сердечныхъ привязанностей и увлеченій; другой, опуская всю поучительную повѣсть его самовоспитанія и поэтическаго роста, старательно высккиваетъ тѣ случаи его литературной дѣятельности, гдѣ она встрѣчалась съ препятствіями цензурнаго вѣдомства, или ограничиваетъ весь интересъ свой къ Пушкину, какъ къ лицу, не ладившему съ администраціей. Обращаясь къ научнымъ опредѣленіямъ значенія Пушкина, мы находимъ нѣсколько характеристикъ личности и поэтической дѣятельности его, рѣзко расходящихся не только въ мелкихъ подробностяхъ, но и въ основныхъ взглядахъ. За рѣдкими исключеніями, эти характеристики основаны не на детальномъ и всестороннемъ изученіи всѣхъ произведеній Пушкина, а на отдѣльныхъ мысляхъ и мѣстахъ, нарочито подобранныхъ изъ его сочиненій.. Кромѣ того, текстъ большинства пушкинскихъ произведеній доселѣ не установленъ надлежащимъ образомъ, въ біографіи поэта — доселѣ много спорныхъ и неясныхъ пунктовъ.. Что же нужно? Нужно многое, очень многое. Напримѣръ, не задаваясь напередъ предвзятыми идеями и скороспѣлыми выводами, исследователи должны поставить своею цѣлю всестороннее освѣщеніе каждаго отдѣльнаго произведенія, сопоставляя его съ другими пушкинскими произведеніями, съ жизнью поэта и современнаго ему общества, съ данными русской и европейской литературы вообще, привлекая и соотвѣтствующій научный матеріалъ, считаясь каждый разъ съ исторіей развитія поэта. Подобная постановка вопроса, можно надѣяться, выведетъ изученіе пушкинской поэзіи на болѣе широкій, объективный и научный путь. Но при семъ необходимо новое строго-научное изданіе текстовъ сочиненій Пушкина, начало чему уже положено Императорскою Академіей Наукъ, предпринявшею таковое изданіе, подъ редакціей вице-президента Академіи Л. Н. Майкова. Къ нынѣшнему юбилейному дню вышелъ первый томъ академическаго изданія. Въ него вошли лицейскія стихотворенія поэта. Одну половину тома занимаетъ текстъ стихотвореній, а другую—комментаріи, въ которыхъ, кромѣ различныхъ вариан-

товъ, приводятся оригиналы чужихъ произведеній, которымъ Пушкинъ подражалъ въ своихъ начальныхъ опытахъ, съ объясненіями историческаго и біографическаго характера. По плану, разработанному Л. Н. Майковымъ, изданіе будетъ состоять изъ двухъ отдѣловъ: 1) произведеній, вполне законченныхъ или, по крайней мѣрѣ, такихъ, которыя хотя и не были вполне обработаны поэтомъ, но по степени своей отдѣлки и художественному достоинству могутъ считаться равнѣ съ законченными, и 2) произведеній, только набросанныхъ вчернѣ или вообще незаконченныхъ. Первая задача изданія—установить правильный текстъ произведеній Пушкина. Въ академическомъ изданіи всѣ произведенія Пушкина, вышедшія въ свѣтъ при его жизни, будутъ напечатаны въ томъ именно видѣ, въ какомъ они появились въ печати подъ его собственнымъ надзоромъ, притомъ въ послѣдній разъ. Исключеніе въ этомъ отношеніи будетъ допущено только для тѣхъ случаевъ, когда достоверно извѣстно, что подлинный пушкинскій текстъ подвергся въ свое время измѣненіямъ со стороны цензуры. При печатаніи тѣхъ произведеній Пушкина, которыя были изданы уже послѣ его смерти, редакція будетъ держаться его рукописей, а въ примѣчаніяхъ указывать относящіяся къ нимъ рукописные варианты. Въ составъ приложений къ академическому изданію Пушкина войдутъ: 1) его подробная біографія, 2) бібліографія его сочиненій и 3) обзоръ всего, что о немъ было писано.

И такъ пожелаемъ, чтобы нынѣшнее торжество послужило не только поводомъ къ внѣшнимъ проявленіямъ чувствъ признательности къ памяти великаго поэта, но и толчкомъ къ болѣе глубокому и всестороннему изученію и освѣщенію жизни и поэтической дѣятельности Пушкина.

Нужно-ли доказывать, что Пушкинъ—геніальный поэтъ и оказалъ огромныя услуги русской литературѣ? Довольно сказать, что Пушкинъ научилъ публику и литературу не бояться правды житейской, какая бы она ни была, и отучилъ отъ ложныхъ и ходульных сантиментовъ, составлявшихъ по классическимъ и романтическимъ рецептамъ, но очень далекихъ отъ обыкновенныхъ человѣческихъ чувствъ. Пушкинъ заставилъ бросить риторикѣ для простой человѣческой рѣчи, украшенную, подмалеванную, попросту измышленную

жизнь—для правдивой, изученной и воспроизведенной художникомъ дѣйствительности. Онъ приучилъ къ художественной правдѣ и показалъ, какъ ее находить въ неподкрашенной, непосредственной дѣйствительности и какъ богата сюжетами для творчества эта обыденная, человѣческая жизнь. Онъ—родоначальникъ здороваго, не отрицающаго эстетизма реальнаго направленія, учитель и вдохновитель нашихъ лучшихъ поэтовъ, литературовъ и художниковъ. Вотъ одно изъ свидѣтельствъ о томъ извѣстнаго романиста И. А. Гончарова: „Первымъ прямымъ учителемъ моимъ—говоритъ Гончаровъ—въ развитіи гуманизета, вообще въ нравственной сферѣ былъ Карамзинъ, а въ дѣлѣ поэзіи мнѣ и моимъ сверстникамъ, 15—16-лѣтнимъ юношамъ, приходилось читать Державинимъ, Дмитриевымъ, Озеровымъ, даже Хсрасковымъ, котораго въ школѣ выдавали тоже за поэта. И вдругъ Пушкинъ! Я узналъ его съ Онегина, который выходилъ тогда періодически, отдѣльными главами: Боже мой! Какой свѣтъ, какая волшебная даль открылась вдругъ—и какія правды—и поэзіи, и вообще жизни, притомъ современной, понятной, хлынули изъ этого источника, и съ какимъ блескомъ, въ какихъ звукахъ! Какая школа изящества, вкуса, для впечатлительной натуры!“ „Пушкинъ—говоритъ Гончаровъ въ другомъ мѣстѣ—былъ нашъ учитель—и я воспитался, такъ сказать, его поэзією.. Лермонтовъ весь, какъ старшій сынъ въ отца, вылился въ Пушкина.. Гоголь объективною своихъ образовъ обязанъ Пушкину же“. Знаменитый нашъ драматургъ А. Н. Островскій засвидѣтельствовалъ, что „Пушкинымъ восхищались и умѣли, восхищаются и умѣютъ“. Геній Пушкина вызвалъ къ новой жизни и русское искусство. Не его ли образы, не его ли міръ видѣній и грезъ дали намъ Глинку, Даргомыжскаго, Рубинштейна, Чайковскаго?. Поэтическіе образы Пушкина начинаютъ пробиваться также въ область валяя и живописи.

„Никто изъ поэтовъ нашихъ—говоритъ Гоголь—не выше Пушкина и не можетъ болѣе назваться національнымъ: это право рѣшительно принадлежитъ ему“. И въ самомъ дѣлѣ какъ могуче сказывается геній поэта въ картинахъ родной природы, въ такъ памятныхъ всѣмъ блестящихъ описаніяхъ времени года и какъ еще выше и величественнѣе выражается онъ въ созданіи характеровъ, въ воспроизведенныхъ

поэтомъ типахъ русскаго народа! Пушкинская Татьяна—что можетъ быть лучше и прекраснѣе этого поэтическаго образа! Какъ этотъ образъ понятенъ и дорогъ намъ! Понятенъ также и Онѣгинъ, этотъ москвичъ въ Чайльдъ-Гарольдовскомъ плащѣ, натура, безъ сомнѣнiя, интеллигентная и элегантная, но обрѣтающаяся въ вѣчно „пустомъ кипѣнiи“, жертва заблужденiй и неутомонныхъ страстей. Раньше „Евгенiя Онѣгина“, еще въ „Кавказскомъ Пльнникѣ“, „Цыганахъ“ и „Галубѣ“ Пушкинъ первый съ необычайною силою и страстностію выразилъ всегдашнюю непримиримую противоположность культурнаго и первобытнаго человѣка. Пльнникъ—первообразъ Алеко, Евгенiя Онѣгина, Печорина... И эта тема сдѣлалась однимъ изъ главныхъ мотивовъ послѣдующей русской литературы. Ее послѣ раскрывали Лермонтовъ, Гончаровъ, Тургеневъ, Достоевскiй, гр. Л. Толстой и др.

О чемъ жалѣть?—говоритъ Алеко Земфирѣ, изображая жизнь культурнаго человѣка, отъ которой онъ бѣжалъ:

Когда-бъ ты знала,
 Когда-бы ты вообразала
 Неволю душныхъ городовъ!
 Тамъ люди въ кучахъ, за оградой
 Не дышатъ утренней прохладой,
 Ни вешнимъ запахомъ луговъ,
 Любви стыдятся, мысли гонятъ,
 Торгуютъ волею своею,
 Главы предъ идолами клонятъ
 И просятъ денегъ да цѣпей.
 Что бросилъ я? Измѣнъ волненье,
 Предразсужденiй приговоръ,
 Толпы безумное гоненье
 Или блистательный позоръ.

Какъ грандіозенъ, какъ могучъ и вмѣстѣ какъ ясенъ подъ кистью поэта величественный образъ Петра I! Какое глубокое пониманіе этой богатырской личности! Съ одной стороны это—страшный, титаническій представитель брани и воинскихъ доблестей, съ другой—въ томъ же образѣ видимъ милосердіе, великодушiе, прощеніе врагу (второе—въ извѣстномъ стихотворенiи 1835 г.: „Надъ Невою рѣзво выются Флаги пестрые судовъ..“).

Что пируетъ царь великій
 Въ Питербургѣ—городкѣ?
 Отчего пальба и клики,
 И эскадра на рѣкѣ?
 Озаренъ ли честью новой
 Русскій штыкъ или русскій флагъ?
 Побѣжденъ ли шведъ суровый?
 Мира-ли проситъ грозный врагъ?
 . . . . .
 Нѣтъ, онъ съ подданнымъ мирится;
 Виноватому вину
 Отпуская веселится;
 Чашу пѣнитъ съ нимъ одну;
 И въ чело его цѣлуетъ,
 Свѣтелъ сердцемъ и лицомъ;
 И прощенье торжествуетъ,
 Какъ побѣду надъ врагомъ.

Какъ глубоко нарисовалъ поэтъ образъ Годунова въ своей драматической хроникѣ, гдѣ все отъ царя до отшельника-лѣтописца носитъ на себѣ печать глубокаго пониманія жизни народа и теплаго сочувствія къ ней! Какъ симпатичны и вмѣстѣ глубоко художественно воспроизведены типы коменданта Бѣлогорской крѣпостцы Миронова съ его женою, дочерью и помощникомъ; не менѣе удачно освѣщенъ и образъ Пугачева съ его свитой и волнующеюся массою. Указанные нами, равно и другіе, созданные гениемъ Пушкина типы (Бѣлкина, Дубровскаго отца) имѣютъ важное историческое значеніе, какъ образцы своего времени, наглядно знакомящіе съ характеромъ эпохи. Нужно ли указывать сказочные типы, созданные поэтомъ и на которыхъ воспитывается наша дѣтская впечатлительность? Сказки Пушкина имѣютъ именно воспитывающее значеніе: онѣ пробуждаютъ въ юныхъ сердцахъ любовь къ своему отечеству и народу, Царю и Церкви... Слышавъ сказки Пушкина, въ которыхъ такъ задушевно и любовно изображаются простыя, но здравыя вѣрованія народа и такъ привлекательно выводятся прекрасныя качества его характера, каждый съ дѣтства приобщается міровоззрѣнію и чувствамъ своего народа...

Пушкинъ далъ образцы всему разнообразію словесности: лирикѣ, драмѣ, роману, сатирѣ, критикѣ, журнализму. Онъ—вели-

чайшіи народно-русскіи поэтъ, — народный не въ смыслѣ того или другого сословія (хотя и въ этомъ отношеніи поэзія его обнимала собою все сословія: и дворянство, и духовенство, и купечество, и мѣщанство, и крестьянство), не въ смыслѣ той или другой тенденціи, но въ наиболѣе широкое смыслѣ слова „народность“. Онъ угадалъ душу русскаго человѣка, его умственный складъ, истинный колоритъ его историческихъ эпохъ, и далъ намъ выраженіе этихъ народныхъ тайнъ въ формахъ превосходныхъ и чисто-національныхъ. У Пушкина народность стала самою стихіей его поэзіи, бывшей въ тоже время первымъ фактомъ реализма, изученіемъ дѣйствительности, вѣрнымъ изображеніемъ жизни.

Пушкинъ украсилъ, возвысилъ и прославилъ нашу народность, онъ заставилъ не только своихъ, но и чужихъ полюбить нашъ языкъ и литературу. Произведенія его сдѣлались извѣстны и популярны и среди западно-европейскихъ народовъ. Тамъ его переводили и изучали съ небывалымъ дотолѣ интересомъ. И это отъ того, что его гениі возвелъ типическія особенности народнаго духа въ высшую форму искусства. Эта высокая художественность давала Пушкину средство обнимать своимъ взоромъ и сочувствовать и чужой жизни. Фантастическіе образы цвѣтистой поэзіи востока, ясная прелесть классической формы, суровая поэзія Данта, дышущая нѣгой и страстью жизнь испанца, глубоко задуманные и вполне законченные характеры Шекспира, родные намъ звуки и мотивы славянскихъ нѣсепъ,—все это было достояніемъ поэзіи Пушкина, все это прошло чрезъ горнило его поэтическаго гения и вылилось въ образахъ и звукахъ полныхъ глубокой прелести и выразительности.

Словомъ, то, что представляетъ собою для Италіи Дантъ, для Испаніи Сервантесъ, для Португаліи Камоэнсъ, что для Англіи Шекспиръ и Байронъ, для Германіи Гете и Шиллеръ, для Франціи—Мольеръ и Викторъ Гюго,—т. е. то, что другіе народы въ своихъ національныхъ литературахъ считаютъ каждый у себя самымъ великимъ, для насъ составляетъ Пушкинъ, высшій и самый полный представитель русскаго гения въ области поэтическаго творчества.

Пушкинъ, безспорно, одаренъ былъ отъ природы богатѣйшими дарами и способностями, какіе достаются въ удѣлъ

далеко не всякому поэту или писателю. Въ высшей степени пронизательный и острый умъ его, необыкновенная легкость въ работѣ, страстное отношеніе ко всему, къ чему только онъ ни прикасался, способность обобщенія,—словомъ все съ избыткомъ дано было поэту. Изъ числа русскихъ поэтовъ никто, ни до него, ни послѣ него, не владѣлъ въ такомъ совершенствѣ гармоніей стиха, рѣмой ¹⁾.

Но одни хотя бы и гениальныя природныя дарованія не сдѣлали бы Пушкина тѣмъ, чѣмъ онъ сталъ для русской литературы. Величіе его по крайней мѣрѣ столькоже обусловлено его необыкновеннымъ трудолюбіемъ и умѣлой энергіей въ работѣ, сколько и его природными дарованіями.

Поэзія была для Пушкина не праздною забавою, а дѣломъ жизни, которому отдавалъ онъ свои лучшія силы и для ко-

---

¹⁾ Рѣмъ Пушкинъ посвятилъ нѣсколько прекрасныхъ стихотвореній Вотъ одно отъ 1828 г

Рѣма—звучная подруга
Вдохновеннаго досуга,
Вдохновеннаго труда,
Ахъ, ужель ты улегъла,
Измѣнила навсегда!

Твой привычный, звучный лень
Усмирялъ сердечный трепеть,
Усыплялъ мою печаль!
Ты ласкалась, ты манила,
И отъ міра уводила
Въ очарованную даль!

Ты, бывало, мнѣ внимала,
За мечтой моей бѣжала,
Какъ послушное дитя,
То—свободна и ревнива,
Своейравна и лѣнива—
Съ нею спорила шута .

Въ майской книжкѣ „Міра Болія“ (1899) напечатана впервые на русскомъ языкѣ статья Мицкевича о Пушкинѣ, первоначально появившаяся въ 1837 г въ французскомъ журналѣ „Globe“. „Ни одной страницѣ—говоритъ Мицкевичъ въ заключеніи своей статьи—не суждено было чѣмъ одинъ разъ произвести человека съ такими необыкновенными и въ тоже время столь разнообразными дарованіями Пушкинъ удивлялъ слушателей своихъ живостью, ленью и тонкостью ума Онъ обладалъ феноменальною памятью, строгою логичностію сужденій и утонченными

того работаль неутомимо. Съ громаднымъ поэтическимъ талантомъ Пушкинъ соединяль почти небывалое у насъ по широтѣ своей литературное образованіе. Еще 10—11-лѣтнимъ мальчкомъ онъ прочитываель французскихъ писателей XVII и XVIII вѣковъ. Въ Лицеѣ съ особенною охотою занимается исторіей. Въ лицейскомъ стихотвореніи „Городокъ“ (1814) 15-лѣтній Пушкинъ перечисляель многихъ иностранныхъ и русскихъ поэтовъ и писателей, которыхъ онъ читаль. Тутъ и Вольтеръ, и Грей, Томсонъ, Виландъ, Тассъ, Аріостъ, Гомеръ, Виргиліи, Анакреонъ, Расинъ, Молберъ, Жанъ-Жакъ Руссо, Жанлисъ, Лафонтенъ, Вержье, Парни, Грегоръ, Шамфоръ, Шолье, Грессе. Тутъ и рускіе: Ломоносовъ, Державинъ, Дмитріевъ, Крыловъ, Карамзинъ, Батюшковъ, Жуковский.

И въ молодости Пушкина сквозь видимое легкомысліе и беззабѣтную веселость проглядываютъ серьезное настроеніе и строгій взглядъ на жизнь. Напримѣръ, глубокія ноты слышатся въ 2-мъ посланіи къ Дельвигу (1817):

О милый другъ, и мнѣ богини пѣснопѣнья

Еще въ младенческую грудь

Вліяли искру вдохновенья

И тайный указали путь.

Я мирныхъ звуковъ наслажденья

Младенцемъ чувствовать умѣль,

И лира стала мой удѣль.

Но гдѣ же вы, минуты упоенья,

Неизъяснимый сердца жаръ,

Одушевленный трудъ и слезы вдохновенья?

Какъ дымъ исчезъ мой легкой даръ!

. . . . .

Нѣтъ, нѣтъ, ни счастіемъ, ни славой,

Ни гордой жаждою похваль

Не буду увлечень! . . .

А въ лицейскую годовщину 1825 года, Пушкинъ сказаль:

Служенъе музъ не терпиль суеты:

Прекрасное должно быть величаво;

Но юность намъ совѣтуель лукаво,

И шумныя насъ радуютъ мечты. . . .

Опомнимся—по поздно! и уныло

Глядимъ назадъ, слѣдовъ не видя тамъ.

Пора, пора! душевныхъ нашихъ мукъ
 Не стоитъ міръ; оставимъ заблужденья!
 Сокроемъ жизнь подъ сѣнь уединенья!

Въ вдохновенныхъ строкахъ этого стихотворенія слышится недовольство поэта своими страстными и суетными увлеченіями, жажда тишины и покоя и сознаніе важнаго и чистаго значенія своего поэтическаго дара.

Въ лицѣ Пушкинъ никогда не былъ празднымъ, — съ удивительною легкостію и быстротою усвоивалъ онъ себѣ все, что повидимому бѣгло читалъ или слышалъ, всякое приобрѣтеніе ума или памяти. „Ни одно чтеніе, ни одинъ разговоръ, ни одна минута размышленія говоритъ Плетневъ, не пропали для него на цѣлую жизнь“. Оттого-то, при видимой лѣности и невнимательности къ класснымъ урокамъ, онъ, по словамъ тогоже писателя, изъ преподаванія своихъ профессоровъ выносилъ болѣе нежели товарищи, и уже въ лицѣ овладѣлъ обширнымъ запасомъ преимущественно историко-литературныхъ свѣдѣній. Въ лицейскихъ стихотвореніяхъ его невольно бросается въ глаза знакомство его съ древнимъ міромъ, съ его литературой и мифологіей

По выходѣ изъ лица Пушкинъ среди шумныхъ развлеченій столицы не переставалъ читать и учиться: развитіе его души и таланта шло съ усиленной быстротою, и въ концѣ 1819 года, 20 лѣтъ отъ роду, онъ уже самъ сознавалъ въ себѣ новаго человѣка. Это прекрасно выразилъ онъ въ пьесѣ „Возрожденіе“, гдѣ сравниваетъ себя съ картиной мастера, надъ которой какой-то бездарный живописецъ намалевалъ было новое изображеніе.

Художникъ-варваръ кистью сонной
 Картину генія чернитъ
 И свой рисунокъ беззаконный
 Надъ ней бессмысленно чертитъ.

Но краски чуждыя, съ лѣтами,
 Спадаютъ ветхой чешуей;
 Созданье генія предъ нами
 Выходитъ съ прежней красотой.

Такъ исчезаютъ заблужденія
 Съ измученной души моей,
 И возникаютъ въ ней видѣнья
 Первоначальныхъ, чистыхъ дней.

Извѣстный собиратель „Матеріаловъ для біографіи А. С. Пушкина“, П. В. Анненковъ говоритъ: Друзья поэта единогласно свидѣтельствуютъ, что, за исключеніемъ двухъ первыхъ годовъ его жизни въ свѣтъ, никто такъ не трудился надъ дальнѣйшимъ своимъ образованіемъ, какъ Пушкинъ. Онъ самъ, нѣсколько поздне, съ упрекомъ говорилъ о современыхъ ему литераторахъ: „Мало у насъ писателей, которые бы учились; большая часть только разбучиваются“. Если бы намъ не передали люди, коротко знавшіе Пушкина, его обычной дѣятельности мысли, его многообразныхъ чтеній и всегдашнихъ умственныхъ занятій, то черновыя тетради поэта открыли бы намъ тайну и помимо ихъ свидѣтельства. Исполненные замѣтокъ, мыслей, выписокъ изъ иностранныхъ писателей, онѣ представляютъ самую вѣрную картину его уединеннаго, кабинетнаго труда. Рядомъ съ строками для памяти и будущихъ соображеній, стоятъ въ нихъ начатые стихотворенія, конченныя въ другомъ мѣстѣ, перерванныя отрывками изъ поэмъ и черновыми письмами къ друзьямъ. Съ перваго раза останавливаютъ тутъ вниманіе сильныя пометки въ стихахъ, даже такихъ, которые, въ окончательномъ своемъ видѣ, походятъ на живую импровизацію поэта. Почти на каждой страницѣ ихъ присутствуешь, такъ сказать, въ серединѣ самаго процесса творчества, и видишь, какъ долго, неослабно держалось поэтическое вдохновеніе, однажды возбужденное въ душѣ художника; оно нисколько не охлаждвало, не разсѣивалось и не слабѣло въ частомъ осмотрѣ и поправкѣ произведенія. Прибавьте къ этому еще рисунки перомъ, которые обыкновенно повторяютъ содержаніе написанной пьесы, воспроизводя ее, такимъ образомъ, вдвойнѣ.

Невольное удаленіе Пушкина изъ Петербурга въ 1820 г. было весьма плодотворно и для поэзіи его и для нравственнаго перерожденія. Въ промежутокъ времени отъ 1820 по 1826 г. проведенный имъ на Кавказѣ, въ Крыму, Кишиневѣ, Одессѣ и наконецъ въ псковской деревнѣ, онъ понялъ и размыслилъ своего таланта и важность своего призванія. А на-

глядное знакомство съ живописной природой юга Россіи, съ разнохарактерными племенами ея и съ провинціальнымъ обществомъ должно было дать новый сильный толчокъ и такъ уже далеко опередившему годы развитію Пушкина. Увлечшись гениемъ Байрона, онъ серьезно принялся за изученіе англійскаго языка. Въ Кишиневѣ, не смотря на множество случаевъ къ разсѣянной жизни, онъ находилъ время для серьезныхъ занятій. Товарищъ его Липранди свидѣтельствуеть, что Пушкинъ въ Кишиневѣ постоянно искалъ случаевъ обогатить себя познаніями. Запальчивый и рѣзкій, особенно въ спорахъ, „онъ смирялся, когда шелъ разговоръ о какихъ либо наукахъ, въ особенности географіи и исторіи, и легкимъ, ловкимъ споромъ какъ бы вызывалъ противника на обогащеніе себя свѣдѣніями. Смѣющійся въ избыткѣ непринужденной веселости и вдругъ неожиданно переходящій къ думѣ, возбуждающей участіе, — такое впечатлѣніе производилъ Пушкинъ на современниковъ, близко его знавшихъ“. Военный кружокъ, въ которомъ вращался Пушкинъ въ Бессарабіи, былъ весьма разнообразенъ: кромѣ товарищей кутежа и игроковъ въ карты, поэтъ находилъ между офицерами и людей дѣльныхъ, просвѣщенныхъ, съ которыми велъ серьезныя бесѣды и споры. Такими людьми были, напр. Расвскій, Вельтманъ, Охотниковъ, Липранди. У послѣдняго часто собирались названныя лица и другіе его знакомые; на этихъ вечернихъ собраніяхъ не было ни картъ, ни танцевъ, а шли бесѣды и споры, и обыкновенно о серьезныхъ предметахъ; Пушкинъ принималъ въ нихъ очень дѣятельное участіе. Липранди рассказываетъ, что Пушкинъ неоднократно, послѣ такихъ споровъ, на другой или третій день бралъ у него книги, касавшіяся до предмета, о которомъ шла рѣчь.

Самообразованіемъ, чтеніемъ поэтъ поправлялъ въ Кишиневѣ недостатки своего лицейскаго воспитанія. О своихъ серьезныхъ занятіяхъ онъ самъ говоритъ въ посланіи Чаадаеву (1821). Вспомнивъ о Петербургѣ, гдѣ оставилъ шумный кругъ безумцевъ молодыхъ, онъ продолжаетъ:

Сѣти разорвавъ, гдѣ бился я въ плѣну,
Для сердца новую вкушаю тишину.
Въ уединеніи мой своенравный гений

Позналъ и тихій трудъ, и жажду размышленій;
 Владѣю днемъ монмъ; съ порядкомъ друженъ умъ;
 Учусь удерживать вниманье долгихъ думъ;
 Ищу вознаградить въ обѣятіяхъ свободы
 Мятележной младостью утраченные годы,
 И въ просвѣщеннѣ стать съ вѣкомъ наравнѣ.

Пушкинъ много читалъ особенно въ первую половину своей жизни въ Кишиневѣ. Книги бралъ у генерала Ишова, Орлова, Пушина, Липранди. Такъ, у послѣдняго онъ бралъ Овидія, которому посвятить большую, прекрасную элегію, Валерія Флакка, Страбона и другія книги, особенно относящіяся къ исторіи и географіи. Читалъ и русскія лѣтописи: на это указываетъ сочиненіе имъ въ 1822 г. „Пѣсни о вѣщемъ Олгѣ“.

Имѣвъ случай въ Кишиневѣ встрѣчать болгаръ и сербовъ, Пушкинъ обращалъ на нихъ свое вниманіе и серьезно заинтересовался народною славянскою поэзіею, плодомъ чего явились вѣрныя духу своей народности художественныя „Пѣсни западныхъ славянъ“ (1832—1833) ¹⁾.

¹⁾ Подъ ними самъ Пушкинъ разумѣлъ 18 стихотвореній разнообразнаго содержания (по собственноручной помяткѣ Пушкина „18-я сербская: Сказка о рыбацкѣ и рыбкѣ“ На самомъ дѣлѣ это — передѣлка — и очень близкая — русской народной сказки. Но Пушкину, быть можетъ, известна была и сербская того же содержания). Названіе „пѣсни западныхъ славянъ“ не совсемъ точно. Точнѣе это „пѣсни южныхъ или юговосточныхъ славянъ: сербскія, хорватскія, черногорскія, боснійскія и герцеговинскія („западными“ же славянами принято называть чеховъ, словаковъ, поляковъ и лужицанъ). Впервые напечатаны въ „Библиотекѣ для чтенія“ 1835, Сепковского, которымъ вѣроятно и придало это не точное обозначеніе — Съ 1814 г. стала выходить „Народна сербска пѣснарница“ Вука Стефановича Караджича (все изданіе изъ 6 томовъ, законченное въ 1866) носить заглавіе „Српске народне pjesme“). Сербскія пѣсни въ этомъ изданіи произвели ошное впечатленіе, особенно въ учено-литературномъ мѣрѣ Германіи Яковъ Гримъ въ увѣченіи своемъ высказывалъ, что огни Европы станутъ учиться по сербски, чтобы наслаждаться прекрасной поэзіею. Въ 1819 г. В. Караджичъ пріѣзжаетъ въ Россію, быть избранъ членомъ общества любителей россійской словесности, получить отъ императора Николая ежегодную пенсію. Іенский университетъ возвелъ его въ 1823 г. въ степень почетнаго доктора философіи Коштаръ въ своей рецензій сборника сравниваетъ поэтъ сербскій съ эпосомъ Гомера, перевелъ нѣсколько пѣсней на нѣмецкій языкъ и приложилъ ихъ къ своей рецензій В. Гумбольдтъ чрезъ Коштару получить выдержки сербской грамматики Мушицкаго, а для Гете Мушицкій перевелъ „Пѣ-

Въ 1821 г. Пушкинъ началъ свою автобіографію, которую и продолжалъ заниматься нѣсколько лѣтъ сряду (отъ нея сохранились лишь незначительные остатки). Къ 1822 году относятся весьма интересныя и для печати собственно не предназначавшіяся „Историческія замѣчанія“ Пушкина. Въ нихъ онъ еще задолго до разцвѣта славянофильскаго ученія высказалъ одно изъ важнѣйшихъ и справедливыхъ по-

снарицу“ В Караджича на нѣмецкій языкъ Я Гриммъ привѣтствовалъ каждый томъ ея статьями въ „Геттингенскомъ ученомъ указателѣ“, гдѣ также сравнивалъ сербскія пѣсни съ Гомеровымъ эпосомъ (Подробнѣе— у Пышина „Первые слухи о сербской народной поэзіи“ въ Вѣстн Евр 1876, № 12 и Пл Кулаковскаго „Вукъ Караджичъ, М 1882“) Въ 1827 г. появилось изданіе Проспера Мериме: „La Guzla ou le choix de poésies illyriques recueillies dans la Dalmatie, la Bosnie, la Croatie et l' Herzégovine“ („Гусли, или выборъ пѣсень иллирійскихъ, собранныхъ въ Далмациі Босніи, Хорватіи и Герцеговинѣ“) Это—не первая уже мистификація Мериме,—т е пѣсни составлены и при томъ въ прозаическомъ изложеніи самимъ Мериме на основаніи изученія различныхъ песочниковъ, каковы. книга аббата Фортиса „Viaggio in Dalmazia“, 1874 („Путешествіе по Далмациі“), можетъ быть изустные рассказы ставяцкихъ путешественниковъ и эмигрантовъ, собственное изученіе народной поэзіи славянъ и т д Свою мистификацію самъ Мериме два раза раскрывалъ первый разъ въ письмѣ къ Соболевскому отъ 18 января 1835 г (Соболевскій, хорошо знакомый съ Мериме, но просѣбъ Пушкина, обращался къ нему съ вопросомъ о происхожденіи или „изобрѣженіи“ странныхъ стихъ пѣсень“) и второй разъ въ 2-мъ изданіи своихъ „Гуслей“ (1840) Сербская поэзіи привлекла вниманіе Пушкина, и получивъ въ руки сборникъ сербскихъ пѣсень В Караджича, нашъ поэтъ перевелъ изъ него въ стихахъ нѣсколько пѣсень („Соловей“, „Сестра и братья“, начало „Жалостной пѣсни о благородной женѣ Ассана-Аги“) и самъ составилъ двѣ пѣсни. „О Георгіи Черношъ“ и „Воеводѣ Ми юшъ“. И изъ книги Мериме Пушкинъ перетолчилъ въ стихи нѣсколько сербскихъ пѣсень, одѣвъ въ форму рифмованнаго тоническаго стиха („Бонапаръ и Черногорцы“, Вурдакакъ“, „Конь“, „Похоронная пѣсня Маганаовича“), другія въ формахъ народной эпической поэзіи („Видѣніе короля“, „Янко Марнавичъ“, „Битва у Зеницы Великой“, „Феодоръ и Елена“, „Влахъ въ Венеціи“, „Гайдукъ Хриличъ“, „Марко Якубовичъ“). Замѣтимъ, что англійскіе и нѣмецкіе писатели (напр Боуригъ и Гергартъ) также переводили пѣсы изъ „Гуслей“ Мериме, даже не сомнѣваясь въ ихъ подлинности—Пушкинъ, какъ извѣстно, одинъ изъ первыхъ на Руси занимался собираніемъ русскихъ народныхъ пѣсень. П В Кирѣевскій въ предисловіи къ своему „Собранію народныхъ пѣсень“ говоритъ, что Пушкинъ еще въ самомъ началѣ его предпріятія доставилъ ему замѣчательную тетрадь пѣсень, собранныхъ имъ въ исековской губерніи Пушкинъ собиралъ также пѣсни о Стенькѣ Разинѣ

ложеніи о значеніи православія въ историческихъ судьбахъ славянъ. „Греческое исповѣданіе—говоритъ Пушкинъ—отдѣльное отъ всѣхъ прочихъ, даетъ намъ особенный національный характеръ“. Вотъ еще изложенныя здѣсь же мысли Пушкина о значеніи духовенства въ Россіи и о важности духовнаго образованія. „Въ Россіи вліяніе духовенства столь же было благотворно, сколько пагубно въ земляхъ римско-католическихъ. Тамъ оно, признавая главою своею папу, составляло особое общество, независимое отъ гражданскихъ законовъ, и вѣчно полагало суевѣрныя преграды просвѣщенію. У насъ, напротивъ, завися, какъ и всѣ прочія состоянія, отъ единой власти, но огражденное святыней религіи, оно всегда было посредникомъ между народомъ и государемъ, какъ между человекомъ и божествомъ. Мы обязаны монахамъ нашей исторіей, слѣдственно и просвѣщеніемъ“. „Духовенство—говоритъ Пушкинъ въ другомъ мѣстѣ („Мысли на дорогѣ“, 1834)—пощаженное удивительною смѣтливостію татаръ, одно, въ теченіе двухъ мрачныхъ столѣтій, питало искры блѣдной византійской образованности. Въ безмолвіи келій иноки вели свои непрерывныя лѣтописи; архіереи въ посланіяхъ своихъ бесѣдовали съ князьями и боярами въ тяжкія времена искушеній и безнадёжности“. Говоря о недостаткахъ народнаго просвѣщенія, Пушкинъ въ „Историческихъ замѣчаніяхъ“ высказалъ слѣдующее: „Семинаріи пришли въ совершенный упадокъ. Многія деревни нуждаются въ священникахъ. Бѣдность и невѣжество этихъ людей, необходимыхъ въ государствѣ, ихъ унижаетъ и отнимаетъ у нихъ самую возможность заниматься важною своею должностію“. „Церковь и при ней школа—говоритъ Пушкинъ въ другомъ мѣстѣ—полезна колонны съ орломъ и длинною надписью, которой безграмотный мужикъ нашъ долго не разберетъ“ (Отрывки изъ дневника).

Въ Одессѣ Пушкинъ продолжалъ серьезно заниматься чтеніемъ, принялся за изученіе итальянскаго и испанскаго языковъ. Началъ основательно знакомиться съ Шекспиромъ, читалъ Гете. Много денегъ тратилъ онъ на приобрѣтеніе книгъ: въ это время у него возникло стремленіе къ собиранію библіотеки. Особенно занимала его тогда литературная критика.

Въ селѣцѣ Михайловскомъ Пушкинъ продолжалъ настой-

чиво и усидчиво свое самообразованіе, начатое еще на югѣ. Главное средство къ этому—чтеніе поэта въ Михайловскомъ было и серьезно и разнообразно, какъ показываютъ списки книгъ, о высылкѣ которыхъ изъ Петербурга просилъ онъ въ письмахъ—своего брата. Тутъ значатся, между прочимъ, Вальтеръ Скоттъ, Жизнь Емельяна Пугачева, Донъ-Жуанъ съ 6-й пѣснью, Собраніе образцовыхъ русскихъ сочиненій и переводовъ въ стихахъ и прозѣ (12 частей, СПб. 1822—24 гг.). Schlegel, Dramaturgie и т. д. Занятіямъ Пушкина много помогала бібліотека сосѣдняго села Тригорскаго, въ которой имѣлись, напримѣръ, старинныя изданія русскихъ авторовъ (Сумарокова, Локкина и др.), „Ежемѣсячныя сочиненія“, журналъ Миллера; „Россійскій Театръ“, обширное собраніе театральныхъ пьесъ прошлаго столѣтія, первое изданіе „Дѣяній Петра Великаго“ Голикова....

Съ особеннымъ вниманіемъ и любовію изучалъ Пушкинъ въ Михайловскомъ исторію Карамзина, Шекспира и наши лѣтописи, и на этихъ основахъ: на изученіи творчества Шекспира, историческихъ воззрѣній Карамзина и міросозерпанія нашихъ лѣтописцевъ создалъ онъ въ 1825 г. своего „Бориса Годунова“. „Изученіе Шекспира, Карамзина и старыхъ нашихъ лѣтописей—говоритъ Пушкинъ въ своихъ замѣткахъ о Борисѣ Годуновѣ, составленныхъ около 1830 г.—дало мнѣ мысль облечь въ формы драматическія одну изъ самыхъ драматическихъ эпохъ новѣйшей исторіи. Я писалъ въ строгомъ уединеніи, не смущаемый никакимъ чуждымъ вліяніемъ. Шекспиру подражалъ я въ его вольномъ и широкомъ изображеніи характеровъ, въ необыкновенномъ составленіи типовъ и простотѣ; Карамзину слѣдовалъ я въ свѣтломъ развитіи происшествій, въ лѣтописяхъ старался угадать образъ мыслей и языкъ тогдашняго времени. Источники богаты! Услѣлъ ли ими воспользоваться—не знаю. По крайней мѣрѣ труды мои были ревностны и добросовѣстны“.

Такъ, Пушкинъ неутомимо работалъ, постоянно читалъ, изучалъ свои источники, дѣлалъ выписки, замѣтки и т. д. „Безъ постояннаго труда нѣтъ истинно великаго“—сказалъ самъ поэтъ. Много времени и труда употребилъ онъ на собраніе матеріаловъ для исторіи пугачевского бунта и для исторіи Петра Великаго. Поэтическое творчество Пушкина стояло въ тѣсной связи съ его учеными занятіями. Какъ

драма „Борисъ Годуновъ“ основана на историческомъ изученіи эпохи и на изученіи сочиненій Шекспира, такъ повѣсть „Капитанская дочка“ стоитъ въ тѣсной связи съ „Исторіей пугачевского бунта“ и т. д. Пушкинъ своимъ художественнымъ чутьемъ ясно понималъ, что поэтическое творчество только тогда можетъ быть плодотворнымъ, когда подъ нимъ есть научная почва.

И съ какою любовью, съ какимъ увлеченіемъ отдавался нашъ поэтъ любимому труду! Между антологическими стихотвореніями его отъ 1830 года есть одно, подъ заглавіемъ „Трудъ“, въ которомъ Пушкинъ выражаетъ то чувство грусти, которое овладѣваетъ имъ по окончаніи труда, къ которому онъ привязался всей душой, въ которомъ находилъ такъ много прелести и наслажденія:

Мигъ возделѣнный насталь. Оконченъ мой трудъ
многолѣтній.

Чтожь непонятная грусть тайно тревожитъ меня?

Или, свой подвигъ свершивъ я стою, какъ поденщикъ не-
лужный,

Плату пріавшій свою, чуждый работъ другой?

Или жаль мнѣ труда, молчаливаго спутника ночи,

Друга Авроры златой, друга пенатовъ святыхъ?

Пушкинъ, съ ранней юности „любившій свѣтъ и толпу“, сѣумѣлъ однако хорошо оцѣнить освѣжающее вліяніе „строгаго уединенія“.

Я зналъ и трудъ и вдохновенье,

И сладостно мнѣ было жаркихъ думъ

Уединенное волненье.

Въ уединеніи Пушкинъ какъ бы перерождался:

Оракулы вѣковъ! Здѣсь вопрошаю васъ.

Въ уединеніи величаюмъ

Слышиѣ вашъ отрадный гласъ:

Онъ гонитъ лѣни сонъ угрюмый.

Къ трудамъ рождаетъ жаръ во мнѣ,

И ваши творческія думы

Въ душевной зрѣютъ глубинѣ.

Остановлюсь еще на одной сторонѣ личности Пушкина — *религіозной его настроенности.*

Легкое направленіе повзін его въ первую эпоху и нѣкоторыя стихи, въ которыхъ онъ, подъ вліяніемъ Вольтера и

другихъ писателей XVIII вѣка принесть дань юношескимъ увлеченіямъ, были причиною, что на Пушкина стали смотрѣть какъ на вольнодумца и безбожника.. Эта репутація и доселѣ держится отчасти. Между тѣмъ, внимательное изученіе произведеній Пушкина открываетъ, что и въ ранней его молодости подъ видимымъ легкомысліемъ и беззавѣтною веселостію таилось серьезное настроеніе и строгій взглядъ на жизнь. „Душа человѣка—читаемъ въ статьѣ „Анекдотъ о Байронѣ“—есть недоступное хранилище его помысловъ, если самъ оцъ таитъ ихъ, то ни коварный глазъ непріязни, ни предупредительный взоръ дружбы не могутъ проникнуть въ сіе хранилище. И какъ судить о свойствахъ и образѣ мыслей человѣка по наружнымъ его дѣйствіямъ? Онъ можетъ по произволу надѣвать на себя притворную личину порочности, какъ и добродѣтели. Часто, по какому либо своенравному убѣжденію ума своего, онъ можетъ выставлять на позоръ толибъ не самую лучшую сторону своего правдивнаго бытія; часто можетъ бросать пыль въ глаза одиѣмъ своимъ странностями“. Пушкинъ, какъ и Лермонтовъ, отличался этою особенностію гениальныхъ людей—желаніемъ выставлять на видъ свои дурныя стороны.

Припомнимъ, что Пушкинъ-лиценстъ на выпускномъ экзаменѣ 9 іюня 1817 года читалъ свое стихотвореніе подъ заглавіемъ: „Безвѣріе“. Здѣсь выражается серьезный взглядъ юноши-поэта на вѣру.

Тогда (при разлукѣ съ міромъ), бесѣдуя съ оставленною душою,

О вѣра, ты стоишь у двери гробовой!
 Ты ночь могильную ей тихо освѣщаешь
 И, ободренную, съ надеждою отпускаешь.
 Но, други, пережить ужаснѣе друзей!..
 Лишь вѣра въ тишинѣ отрадою своей
 Живить унылый духъ и сердца ожиданье:
 „Настанеть—говорить—назначенно свиданье“.

Безвѣріе изображается мрачными красками: оно
 По жизненной стезѣ, во мракѣ, вождь унылый,
 Влечетъ несчастнаго до хладныхъ вратъ могилы!

Замѣтимъ, что въ всегдашней искренности не отказывали Пушкину даже и враги его! Въ глубинѣ души его смолоду теплилось религіозное чувство. Уклоненія его въ противо-

положную сторону были не болѣе какъ либо мимолетныя сомнѣнія, либо юношескія шалости, въ которыхъ онъ въ позднѣйшіе годы горько раскаивался.

Могутъ указать на извѣстное стихотвореніе его, полное отчаянія „26 мая 1828“:

Даръ напрасный, даръ случайный,
Жизнь, зачѣмъ ты мнѣ дана?
Иль зачѣмъ судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?

Кто меня враждебной властью
Изъ ничтожества воззвалъ,
Душу мнѣ наполнилъ страстью,
Умъ сомнѣньемъ взволновалъ?..

Цѣли нѣтъ передо мною,
Сердце пусто, празденъ умъ,
И томитъ меня тоскою
Однозвучный жизни шумъ.

Но этому стихотворенію могутъ быть противопоставлены его же стансы (1830), посвященные митрополиту Московскому Филарету, свидѣтельствующіе, до какой высоты можетъ вышаться онъ какъ христіанскій поэтъ:

Въ часы забавъ иль празднои скуки,
Бывало, лирѣ я моеи
Ввѣрялъ изиѣженные звуки
Безумства, лѣни и страстей.

Но и тогда струны лукавои
Невольно звонъ я прерывалъ,
Когда твой голосъ величавый
Меня внезапно поражалъ.

Я лилъ потоки слезъ нежданнхъ,
И ранамъ совѣсти моеи
Твоихъ рѣчей благоуханнхъ
Отраденъ чистый былъ елей

И нынѣ съ высоты духовнои
Мнѣ руку простираешь ты,
И сілюю кроткой и любовнои
Смиряешь буйныя мечты.

Твоимъ огнемъ душа палима,
Отвергла мракъ земныхъ суетъ,
И внемлетъ арфѣ серафима
Въ священномъ ужасѣ поэтъ ¹⁾.

Здѣсь же можно вспомнить и болѣе ранніе, менѣе извѣстные, но также замѣчательные стихи его:

Ты, сердцу непонягный мракъ,
Пріютъ отчаянья слѣпого,
Ничтожество, пустой призракъ,
Не жажду твоего покрова!
Мечтанье жизни разлюбя,
Счастливыхъ дней не зная отъ вѣка,
Я все не вѣрую въ тебя.
Ты чуждъ мысли человѣка,
Тебя страшится гордый умъ!..
Но, улетѣвъ въ міры иные,
Ужели съ ризою гробовой
Всѣ чувства брошу я земныя
И чуждъ мнѣ станетъ міръ земной!

Религіозное чувство жило въ немъ съ юныхъ лѣтъ и съ годами становилось все теплѣе, и явственнѣе отражалось въ его трудахъ. Въ 1826 г. въ селыцѣ Михайловскомъ, въ стихотвореніи „Пророкъ“ онъ высказалъ, какъ высоки были его требованія отъ поэта:

Бога гласъ ко мнѣ воззвалъ:
„Возстань, пророкъ, и виждь, и внемли,
Исполнись волею Моей,
И обходя моря и земли,
Глаголомъ жги сердца людей!“

Поэма „Галубъ“ (1829—1833) служитъ выраженіемъ овладѣвшаго душою Пушкина религіознаго настроенія. Путешествіе по Кавказу пробудило въ немъ мысль о необходимости христіанской проповѣди среди кавказскихъ племенъ. Поэма рисуетъ намъ противоположность чувствъ любви, прощенія и великодушія христіанскаго юноши съ суровыми и

¹⁾ По другому варианту послѣдняя строфа стансовъ читается такъ.

Твоимъ огнемъ душа согрѣта.
Отвергла мракъ земныхъ суетъ.
И внемлетъ арфѣ Филарета
Въ священномъ ужасѣ поэтъ

мстительными страстями дикаго горца. По плану поэмы Та-зитъ долженъ былъ сдѣлаться потомъ проповѣдникомъ христіанской вѣры среди своихъ соотечественниковъ.. Мысль о необходимости христіанской проповѣди среди кавказскихъ племенъ высказывается и въ „Путешествіи въ Арзрумъ“ (1829—1835). Для сближенія кавказскихъ горцевъ съ Россіей „есть—говоритъ Пушкинъ—средство болѣе (другихъ) сильное, болѣе нравственное, болѣе сообразное съ просвѣщеніемъ нашего вѣка: проповѣданіе евангелія; но объ этомъ средствѣ Россія донинѣ и не подумала. Терпимость сама по себѣ вещь очень хорошая, но развѣ апостольство съ ней несовмѣстно? Развѣ истина дана намъ для того, чтобы скрывать ее подъ спудомъ? Мы окружены народами, пресмыкающимися во мракѣ дѣтскихъ заблужденій, и никто еще изъ насъ не думалъ препоясаться и идти съ миромъ и крестомъ къ бѣднымъ братіямъ, лишеннымъ до нынѣ свѣта истиннаго. Такъ ли исполняемъ мы долгъ христіанства? Кто изъ насъ, мужъ вѣры и смиренія, уподобится святымъ старцамъ, скитающимъ по пустынямъ Африки, Азии и Америки, въ рубищахъ, часто безъ обуви, крова и пищи, но оживленнымъ теплымъ усердіемъ? Какая награда ихъ ожидаетъ?—Обращеніе престарѣлаго рыбака, или странствующаго семейства дикихъ, или мальчика, а затѣмъ нужда, голодъ, мученическая смерть. Кажется, для нашей холодной лѣности легче, взамѣнить слова живого, выливать мертвыя буквы и посылать нѣмыя книги людямъ, незнающимъ грамоты, чѣмъ подвергаться трудамъ и опасностямъ, по примѣру древнихъ апостоловъ и новѣйшихъ римско-католическихъ миссіонеровъ. Мы умѣемъ спокойно въ великолѣпныхъ храмахъ блестѣть велерѣчіемъ. Мы читаемъ свѣтскія книги и важно находимъ въ суетныхъ произведеніяхъ выраженія предосудительныя. Предвижу улыбку на многихъ устахъ. Многіе, сближая мои коллекціи стиховъ съ черкесскимъ негодованіемъ, подумаютъ, что не всякій имѣетъ право говорить языкомъ высшей истины. Я не такого мнѣнія. Истина, какъ добро Мольера, тамъ и берется, гдѣ попадаетъ.. Кавказъ ожидаетъ христіанскихъ миссіонеровъ“.—Выше мы уже приводили мысли Пушкина о значеніи православія въ историческихъ судьбахъ славянъ, о значеніи духовенства въ Россіи и о важности духовнаго образованія.

Религіозное настроеніе, овладѣвшее Пушкинымъ въ послѣдніе годы его жизни, проявилось въ нѣсколькихъ его произведеніяхъ, каковы: „Странникъ“ (1834,—начало поэмы, представляющей переложеніе съ англійскаго; странникъ послѣ сильной борьбы съ привязанностію къ своей семьѣ и не взирая на мольбы своихъ близкихъ, оставляетъ все, чтобы вступить на „узкій путь спасенья“); „Молитва“ (переложеніе въ стихотворную форму начала молитвы преп. Ефрема Сирина: „Господи и Владыко живота моего! Духъ праздношті, унынія, любоначалія и празднословія не даждь ми. Духъ же цѣломудрія, смиренномудрія, терпѣнія и любви даруй ми, рабу Твоему“), „Подражаніе итальянскому (1836, о предателѣ Іудѣ) и др. Что это было прочное, устойчивое настроеніе въ Пушкинѣ за эти годы, доказательства сему представляютъ черновыя рукописи поэта. Они — говоритъ Анненковъ—намъ свидѣтельствуютъ что Пушкинъ прилежно изучалъ повѣствованія Четы-Мишеи и Пролога (эти книги читалъ онъ и раньше, въ с. Михайловскомъ). Между прочимъ онъ выписалъ изъ Пролога одно сказаніе, имѣющее сходство съ указаннымъ его стихотвореніемъ „Странникъ“. „Вложи (дьяволъ) убо ему мысль о родителяхъ, яко жалостию сокрушатися сердцу его, воспоминаючи велию отца и матере любовь, юже къ нему имѣша. И глаголаше ему помысль: что нынѣ творять родители твои безъ тебя, колико многую имутъ скорбь и тугу и плачь о тебѣ, яко не вѣдающимъ имъ отшелъ еси. Отець плачетъ, мать рыдаетъ, братія сѣтуютъ, сродницы и близкіи жалѣютъ по тебѣ и весь домъ отца твоего въ печали есть, тебе ради. Еще же воспоминаше ему лукавый богатство и славу родителей, и честь братій его, и различная мірская суетствія во умъ его привождаше. День же и ночь непрестанно таковыми помыслами смущаше его яко уже изнемоши ему тѣломъ, и еле живу быти. Ово бо отъ великаго воздержанія и иноческихъ подвиговъ, ово же отъ смущенія помысловъ изше яко скудѣль крѣпость его и плоть его бѣ яко трость вѣтромъ колеблема“ Въ другой разъ Пушкинъ переложилъ на простой языкъ повѣствованіе Пролога о житіи преподобнаго Саввы игумена. Переложеніе это сохраняется въ его бумагахъ подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „Декабря 3. Преставленіе Преподобнаго отца нашего Саввы, Игумена Святыя обители Пре-

святой Богородицы, что на Сторожехъ, новаго Чудотворца (Изъ Пролога)“.

Въ „Современникѣ“ 1836 года Пушкинъ помѣстилъ свои отзывы о книгахъ протоіерея І. Григоровича: „Собраніе сочиненій преосв. Георгія Конисскаго, съ его жизнеописаніемъ и портретомъ. 2 части. СПб. 1835“ и князя Эристова: „Словарь историческій о святыхъ, прославленныхъ въ россійской церкви. СПб. 1835“. Отзывъ Пушкина объ архіеп. Георгіи Конисскомъ весьма сочувственный. „Георгій есть одинъ изъ самыхъ достопамятныхъ мужей минувшаго столѣтія.. Послѣ присоединенія Бѣлоруссіи, Георгій могъ спокойно посвятить себя на управленіе своею епархіей. Просвѣщеніе духовенства, ему подвластнаго, было главною его заботою. Онъ учреждалъ училища, безпрестанно поучалъ свою паству, а часы досуга посвящалъ ученымъ занятіямъ. Проповѣди Георгія просты, и даже нѣсколько грубы, какъ поученія старцевъ первоначальныхъ; но ихъ искренность увлекательна. Протоіерей І. Григоровичъ, издавъ сочиненія великаго архіепископа Бѣлоруссіи, оказалъ обществу великую услугу“. По поводу книги кн. Эристова Пушкинъ пишетъ: „Издатель „Словаря о святыхъ“ оказалъ важную услугу исторіи. Между тѣмъ, книга его имѣетъ и общую занимательность: есть люди, не имѣющіе никакого понятія о житіи того св. угодника, чье имя носятъ отъ купели до могилы, и чью память празднуютъ ежегодно. Не позволяя себѣ никакой укоризны, не можемъ, по крайней мѣрѣ, не дивиться крайнему ихъ нелюбопытству“.

Друзья поэта—говоритъ Анненковъ --утверждаютъ, что въ послѣднее время онъ находилъ неизощренное наслажденіе въ чтеніи Евангелія и многія молитвы, казавшіяся ему наиболѣе исполненными высокой поэзіи, заучивалъ наизусть. „Есть книга—говоритъ Пушкинъ въ 1836 г. въ своемъ отзывѣ о сочиненіи Сильвіо Пеллико „Объ обязанностяхъ человѣка“,—коей каждое слово истолковано, объяснено, проповѣдано во всѣхъ концахъ земли, примѣнено ко всевозможнымъ обстоятельствамъ жизни и происшествіямъ міра: изъ коей нельзя повторить ни единого выраженія, котораго не знали бы всѣ наизусть, которое не было бы уже пословицею народовъ; она не заключаетъ уже для насъ ничего неизвѣстнаго: но книга сія называется евангеліемъ—и такова

ея вѣчно новая прелесть, что если мы, пресыщенные міромъ, или удрученные уныніемъ, случайно откроемъ ее, то уже не въ силахъ противиться ея сладостному увлеченію, и погружаемся духомъ въ ея божественное краснорѣчіе“.

Въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“ за 1893—1897 г.г. печатались весьма любопытныя „Записки А. О. Смирновой“, въ которыхъ центральное мѣсто отведено Пушкину. Фрейлина Императрицы, Александра Осиповна Россети, въ замужествѣ Смирнова († 1882 г.), по словамъ кн. Вяземскаго, могла бы прослыть „академикомъ въ чепцѣ“. Свѣдѣнія ея были разнообразныя, чтенія поучительныя и серьезныя, впрочемъ не въ ущербъ романамъ и газетамъ. Даже богословскіе вопросы, богословскія пренія были для нея заманчивы. Профессоръ духовной академіи могъ быть не лишнимъ въ дамскомъ кабинетѣ ея, какъ и дипломатъ, какъ Пушкинъ или Гоголь, какъ гвардейскій любезникъ, молодой левъ петербургскихъ салоновъ. Она выходила иногда въ приемную комнату, гдѣ ожидали ея свѣтскіе посѣтители, послѣ урока греческаго языка, на которомъ хотѣла изучить восточное богослуженіе и святыхъ отцовъ.—Извѣстно, что Пушкинъ убѣждалъ Смирнову записывать все, что ей придется увидѣть и услышать замѣчательнаго и подарилъ ей для этого альбомъ, въ который вписалъ извѣстное стихотвореніе „Въ альбомѣ А. О. Россети, 16 марта 1832“:

Въ тревогѣ нестрой и безплодной
 Большого свѣта и двора
 Я сохранила взоръ холодный,
 Простое сердце, умъ свободный
 И правды пламень благородный,
 И какъ дитя была добра.
 Смѣялась надъ толпою вздорной,
 Судила здраво и свѣтло,
 И шутки злости самой черной
 Писала прямо на бѣло.

Въ „Запискахъ А. О. Смирновой“ Пушкинъ изображается серьезно вѣрующимъ и много разсуждающимъ о религіозныхъ и философскихъ вопросахъ. Что къ подобнымъ извѣстіямъ можно относиться съ довѣріемъ, за это говоритъ какъ то обстоятельство, что—какъ извѣстно—Пушкинъ самъ не разъ прочитывалъ записки ея и поправлялъ ихъ, такъ и свидѣ-

тельство Мицкевича, относящееся къ эпохѣ вельдъ за созданиемъ „Бориса Годунова“: „Въ разговорахъ Пушкина, которые становились все болѣе и болѣе серьезными, — говоритъ Мицкевичъ—нерѣдко слышались зачатки его будущихъ твореній. Онъ любилъ разсуждать о высокихъ религіозныхъ и общественныхъ вопросахъ, о которыхъ и не снислось его соотечественникамъ“. Достоверно извѣстно, что не только въ послѣдшіе годы, но и раньше, въ Кишиневѣ, Одесѣ и сельцѣ Михайловскомъ Пушкинъ любилъ читать Библію.. Но вотъ нѣсколько извѣстій о Пушкинѣ изъ „Записокъ А. О. Смирновой“. Конечно, извѣстія эти не новы и давно знакомы намъ, но въ юбилейный день отчего еще разъ не вспомнить ихъ?.. Въ 1836 г. Пушкинъ вмѣстѣ съ Смирновыми ѣздилъ смотрѣть картину Брюлова „Распятіе“. Въ залѣ, гдѣ была выставлена картина, были поставлены часовые Эго глубоко возмутило Пушкина, какъ и Смирновыхъ. Смирнова поспорила съ мужемъ, что Пушкинъ напишетъ стихотвореніе на этотъ случай, потому что, говорила она, когда что нибудь произведетъ на него сильное впечатлѣніе, ему надо излить его въ стихахъ. Спустя нѣсколько времени, Пушкинъ у Смирновыхъ прочелъ свое стихотвореніе „Когда великое свершалось торжество“. „Не могу вамъ выразить—сказалъ при семъ поэтъ—какое впечатлѣніе произвелъ на меня тамъ этотъ часовой, я подумалъ о римскихъ солдатахъ, которые охраняли гробъ и препятствовали его вѣрнымъ ученикамъ приближаться къ нему“.

Къ чему, скажите мнѣ, хранительная стража?

Или распятіе—казенная поклажа,

И вы бонтеся воровъ или мышей?

Иль мните важности придать царю царей?

Иль покровительствомъ спасаете могучимъ

Владыку, терпимъ вѣнчаннаго колючимъ,

Христа, предавшаго послушно плоть свою

Бичамъ мучителей, гвоздямъ и кошію?

Иль опасаетесь, чтобъ чернь не оскорбила

Того, чья казнь весь родъ Адамовъ искупила,

И чтобъ не потѣснилъ гуляющихъ господь,

Ускасть не вельно сюда простой народъ?

По поводу этого стихотворенія Жуковскій сказалъ намъ (пишетъ Смирнова): „Какъ Пушкинъ созрѣлъ и какъ разви-

лось его религіозное чувство; онъ несравненно болѣе вѣрующій, чѣмъ я“. Мы запротестовали. „Да, да, я правъ, говорилъ Жуковский, это результатъ всѣхъ его размышленій, это не дѣло одного чувства, его сердце и его разумъ вмѣстѣ увѣрвали, впрочемъ онъ уже въ самой первой молодости написалъ „Пророка“.

Въ другой разъ Барантъ послѣ одного разговора съ Пушкинымъ сказалъ Смирновой: „Я и не подозрѣвалъ, что у него такой религіозный умъ, что онъ такъ много размышлялъ надъ Евангеліемъ“. „Религія—говорилъ Пушкинъ въ бесѣдѣ съ Хомяковымъ (по записи А. О. Смирновой) создала искусство и литературу, все, что было великаго съ самой глубокой древности: все находится въ зависимости отъ этого религіознаго чувства, присущаго человѣку такъ же, какъ и идея красоты вмѣстѣ съ идеей добра.. Безъ него не было бы ни философіи, ни поэзіи, ни нравственности“. „Невольно припоминаются намъ при семъ та изумительная сила духа, истинно-христіанская кротость и трогательная нѣжность семейства, какія Пушкинъ, конечно подъ вліяніемъ живаго религіознаго чувства, проявилъ на смертномъ одрѣ!“

Ашпенковъ, отмѣтивъ въ „Матеріалахъ для біографіи Пушкина“, что обвиняющъ онъ былъ съ Н. Н. Гончаровой февраля 18 дня 1831 года, въ Москвѣ, въ церкви Стараго Вознесенья, въ среду, и что день его рожденія былъ въ самый праздникъ Вознесенія Господня, продолжаетъ: „Обстоятельство это Пушкинъ не приписывалъ одной случайности. Важнѣйшія событія его жизни, по собственному его признанію, всѣ совпадали съ днемъ Вознесенья. Не задолго до смерти, онъ задумчиво рассказывалъ объ этомъ одному изъ своихъ друзей и передалъ ему твердое свое намѣреніе выстроить, современемъ, въ селѣцѣ Михайловскомъ, церковь во имя Вознесенія Господня. Упомянувъ о таинственной связи всей своей жизни съ однимъ великимъ днемъ духовнаго торжества, онъ прибавилъ: „Ты понимаешь, что все это произошло не даромъ и не можетъ быть дѣломъ одного случая“.

Примѣчательно, что и столѣтній юбилей А. С. Пушкина падаетъ на каунъ праздника Вознесенія Господня.

Эти совпаденія и желаніе самого Пушкина постронть въ селѣцѣ Михайловскомъ церковь во имя Вознесенія Господня подали нѣкоторымъ нашимъ публицистамъ прекрасную мысль.

къ которой нельзя не присоединиться отъ всей души,—ознаменовать столѣтній юбилей Пушкина, кромѣ монументовъ и различныхъ благотворительныхъ и просвѣтительныхъ учрежденій постройемъ (прибавимъ отъ себя—именно въ сельцѣ Михайловскомъ, которое нынѣ приобрѣтено правительствомъ у наслѣдниковъ Пушкина) церкви во имя Вознесенія Господня. Сооруженіе монументовъ имѣетъ значеніе для мірской, человѣческой славы величайшаго русскаго поэта. Построеніе же храма Божія и постоянное возношеніе въ немъ молитвъ о Пушкинѣ будетъ полезно и благоплодно для вѣчной его славы, для спасенія его души.

Г. Воскресенскій.
